

УДК 821.161.1»1917/1991»
ББК 83.3(2=411.2)6-8 Боков, В.Ф.

С.А. Васильев

**«ВСТРЕТИЛИСЬ.
ШУТКА ЛИ – ШОЛОХОВ!»
(ОБРАЗ М.А. ШОЛОХОВА
В ПОЭЗИИ В.Ф. БОКОВА)**

М.А. Шолохов и В.Ф. Боков встретились в Ростове-на-Дону в августе 1964 г. Двухчасовая беседа состоялась по инициативе автора «Тихого Дона» и произвела глубокое впечатление на Бокова, неоднократно вспоминавшего о ней и написавшего о Шолохове несколько стихотворений, главное из которых – «Встреча с Шолоховым» – должно было войти в его книгу стихов «На Дону», но, вследствие произвола редактора, в издание не вошедшее. В произведениях на шолоховскую тематику Боков проявил себя, как и в творчестве в целом, крупным мастером художественного слова.

Ключевые слова: В.Ф. Боков, М.А. Шолохов, донская встреча, образ писателя.

DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-12-20

Васильев Сергей Анатольевич – докт. филол. наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.
Тел.: +7-916-575-44-50
E-mail: okdomovenok@yandex.ru

© Васильев С.А., 2020.

В.Ф. Боков, автор 42 поэтических сборников [Оставить след, 2005, с. 3], более 150 песен, собиратель и исследователь русского фольклора, как минимум несколькими биографическими и творческими нитями связан с М.А. Шолоховым. Художественный образ автора «Тихого Дона», с которым Боков встречался в Ростове-на-Дону в августе 1964 г., о чем писал М.В. Исаковскому [РГАЛИ], был создан автором «Оренбургского пухового платка» под впечатлением от личного общения писателей, о чем Боков неоднократно вспоминал. Не останавливаясь подробно на уже освещенных ранее биографических аспектах общения литераторов, сосредоточимся на анализе боковских поэтических произведений, в которых поэт создал образ Шолохова – человека и писателя, что ранее не было предметом литературоведческого изучения.

Встреча с Шолоховым для Бокова была связана с его творческой командировкой – путешествием на «литературном теплоходе» с группой молодых писателей по Дону в августе 1964 г. Среди них, выступавших с чтением своих стихов по хуторам и станицам, был и А.А. Тер-Маркарян, общавшийся с М.А. Шолоховым, являющийся автором ряда публикаций о нем, считающий В.Ф. Бокова своим учителем в литературе.

Выбрав в качестве поэтической команды литтеплохода молодых, а в некоторых случаях и еще не известных авторов, Боков, по свидетельству Тер-Маркаряна,

совершил смелый поступок, раздраживший «маститых» писателей: «Боков сам формировал писательскую “команду”, не включив туда “признанных”. Поступок по тем временам слишком смелый... Не ведал он, когда уехал в Москву, что будет столько кривотолков, которые всерьез обсуждались на партийном собрании. Мол, Боков пренебрег настоящими поэтами, взяв в ответственную командировку каких-то желторотых пиитов. На нас строчили “телеги” во все инстанции. Из-за этого затормозились издания наших первых книг! Боков, проявив гражданское мужество, решительно отстаивал нас» [Боков, 1996, с. 10].

А.А. Тер-Маркарьян, вновь посетивший Вёшенскую уже после смерти Шолохова, привел полученное им в письме «шолоховское» стихотворение В.Ф. Бокова:

«<...> я снова побывал в Вёшенской. Пришел к уже музейной усадьбе. Падал густой снег на серый мраморный камень, на котором проступало, как сквозь кровь бинты, – Шолохов.

Я стоял молча, но в душе повторял стихи, присланные мне известным советским поэтом Виктором Боковым:

Ты помнишь, меня
Шолохов позвал,
И принял по-родному,
домовито,
Я ваши имена ему
назвал,
Он наказал:
“Будь за отца им,
Виктор!”» [Тер-Маркарьян, 2000, с. 4]

Приведенные Тер-Маркарьяном стихи – важное свидетельство общения Шолохова и Бокова и того глубокого следа, который оно оставило в душе второго.

Это произведение написано мастером художественного слова. Ритм стиха, строящийся на неожиданных, прерывающих грамматическое развертывание фразы паузах – переносах (enjambement): *меня / Шолохов позвал, ему / назвал, за отца им, / Виктор!* – передает волнение и благоговение при воспоминании о доверительном разговоре с великим современником и духовно близким, родным человеком. Стихотворение напоминает дневниковую запись, сделанную по горячим следам, естественно безыскусную. Вместе с тем, это именно образ безыскусности, идущих от сердца искренних, безыскусственных переживаний, так как и рифма, и точная поэтическая интонация, и стройность композиции, и телеологичность, функциональность каждого художественного элемента в произведении присутствуют.

Стихотворение в виде эксперимента можно реконструировать в более привычном виде – как четверостишие:

Ты помнишь, меня Шолохов позвал,
И принял по-родному, домовито,

Я ваши имена ему назвал,
Он наказал: “Будь за отца им, Виктор!”

Грамматическая, тавтологическая, с фольклорными параллелями, внешне «неинтересная» рифма *позвал – назвал* вместе с тем – богатая, имеет большую предупредную составляющую, органична для писателя – глубокого знатока народной поэзии. Эта рифма на контрасте и одновременно в плане дополнения перемежается с изысканной неточной рифмой с усечением: *домовито – Виктор*, имеющей также предупредную часть.

Пуант произведения – имя поэта Виктор, значение которого Шолохов обыграл в тексте присланной Бокову открытки (по другой версии – надписи на книге, сделанной на разлинованной в клетку бумаге): «Дорогой Виктор! (Сие означает: Виктор – победитель). Желаю Вам в новом году удачи и успехов. Михаил Шолохов» (цит. по: [Деятели, 1998, с. 12; фото надписи: Личный архив В.И. Самсонова]). Однако Боков в данном случае обращается не к общеизвестному значению имени – «победитель», а через рифменное созвучие создает поэтическую этимологию, художественно осмысляет имя Виктор в связи с домом (*домовито*), тем самым образно мотивируя шолоховское поручение быть *им* (молодым писателям, тому же А.А. Тер-Маркарьяну, 1938 г.р., т.е. человеку на 24 года младше Бокова, годящегося ему «в отцы» и ставшего ему поэтическим наставником) – *за отца*.

Характерны и другие созвучия в строках, фактически – составные богатые рифмы, например: *помнишь меня – ваши имена ему*. С учетом авторского расположения строк это созвучие воспринимается как рифма, соединяющая 1 и 5 строки.

Еще более интересное и объемное стихотворение, написанное сразу по возвращении с Дона, по горячим следам, Боков отправил в письме к Шолохову. В характерной сопроводительной преамбуле он сообщил:

«Дорогой Михаил Александрович! Не обижайся, но я написал эти стихи от всего сердца и читаю их везде с трибуны – борясь за нашего богатыря со всеми литкомарами. Обнимаю нежно, братски целую!» (цит. по: [Попова]).

Боков, действительно, дорожил этим произведением, которое, по его словам, он читал «везде с трибуны», неоднократно его публиковал и при подготовке трехтомного Собрания сочинений существенно переработал. Был в судьбе текста и драматический эпизод. Поэт планировал включить произведение в книгу «На Дону», однако этому воспрепятствовал редактор: «<...> я написал стихотворение о Шолохове, которое выкинул из ростовской книжки редактор со словами: “Нечего делать из Шолохова культ”...» [Боков, 1996, с. 10].

Обратимся к двум вариантам текста: первоначальному, присланному в письме к Шолохову, и итоговому – Собрания сочинений:

«г. Москва, 10 сентября 1964 г.» [Цит. по: Попова]	Собрание сочинений [Боков, 1983, т. 1, с. 511]
ВСТРЕЧА С ШОЛОХОВЫМ Встретились. Шутка ли – Шолохов! Наша живая реликвия. Очи его, как всполохи, Как правдолюбцы великие. Обнял меня, как брата: – О! Ты похож на Кондрата. Пошевелил бровями: – Ты ничего, Булавин! Из-под казачьего уса Юмор летит чисто русский, Скажет, вернет он словечко, Знайте, что это навечно. Шолохов чуток, прозорлив, Нежен необычайно. Взгляд то нальется грозюю, То материнской печалью. Смотрит он в дали донские, Видит он судьбы людские. Шутит с ним солнце в лимане: – Ты меня, Миша, в романе Изобрази-ка получше, Я подарю тебе лучик! Сердце его не устало Шляхом идти каменистым. Он говорил даже Сталину, Как коммунист коммунисту. Он не боялся казни, Он не дрожал: «Что мне будет?» – Там, где родился Разин, Робости люди не любят. Муза его по-солдатски Насмерть в окопах стояла. Бодрости, сил тебе! Здравствуй, Ясная наша Поляна!	Встреча с Шолоховым Встретились. Шутка ли – Шолохов! Наша живая реликвия. Очи его как сполохи, Как правдолюбцы великие. Обнял меня, как брата. – О, ты похож на Булата. Пошевелил бровями: – Ты ничего – Булавин! Наш Златоуст седоватый Несколько угловатый. Из-под казачьего уса Юмор летит чисто русский. Шолохов очень прозорлив, Чуток необычайно. Взгляд то нальется грозюю, То материнской печалью. Сердце его не устало Шляхом идти каменистым. Он говорил даже Сталину, Как коммунист коммунисту. Он не боялся казни, Он не дрожал: что мне будет? Там, где родился Разин, Робости люди не любят. Муза его по-солдатски Насмерть в окопах стояла. Радуйся, смейся и здравствуй, Ясная наша Поляна!

Первую строку поэт разбивает на две части, добавляя паузу и тем самым акцентируя, с кем именно, с какого огромного масштаба личностью, художником слова ему довелось беседовать: *Встретились. / Шутка ли – Шолохов!* На это нацелен и вводный оборот разговорного характера – *шутка ли*, который «употребляется для подчеркивания важности, значительности чего-либо в значении: *разве это простое дело*» [МАС]. Кроме того, вводным оборотом, отделенным тире, а значит, включающим эллипсис, намек, опущение важных смысловых звеньев, которые может домыслить читатель, создается и яркий звуковой образ, созвучие с фамилией писателя, получающей тем самым и новую, контекстуальную («окациональную») поэтическую этимологию, которую условно можно выразить как: *Шолохов – не шутка!*

Во втором четверостишии поэт заменил одно слово: имя – с Кондрата (К.А. Булавина – войскового атамана донских казаков, возглавившего народное восстание в начале XVIII в.) на Булата – богатыря, персонажа русских сказок и былин. Видимо, такая ассоциация была для поэта более приемлемой. К тому же имя Булат рифмовалось с именем следующего сравнения – Булавин, тем самым усиливая концентрированность словесно-звуковой образности произведения, обогащая его содержание. И если первое именование *Кондрат – Булат* было автором изменено, то второе – Булавин сохранилось. Произошло это, вероятно, потому, что в нем нашла отзвук шолоховская характеристика Бокова: *А ты – ничего, казак*. Через данную замену Боков, видимо, уходил от повтора: Кондрат (Кондратий Булавин) – Булавин. Планировавшийся художественный эффект от такого рода повтора был, вероятно, следующий: Шолохов, размышляя, как бы укрепился в своем первом впечатлении и утвердил более определенно явившуюся в начале встречи мысль.

Переделке подверглось и третье четверостишие. Первые две строки *Из-под казачьего уса / Юмор летит чисто русский* были сохранены. В них, кстати, поэт, уроженец северного Подмосковья (правда, когда-то его родная деревня Язвицы относилась к Владимирской губернии), образно подчеркивает близкий ему русский национальный (не местный, «казачий», при всем его значении) характер дарования писателя. А вот следующие: *Скажет, вернет он словечко, / Знайте, что это навечно* – подверглись изменению, причем их замена переместилась на первое место в четверостишии: *Наш Златоуст седоватый / Несколько угловатый*. Взамен несколько риторической фразы Боков дает более конкретный портретный образ с опорой на эпитеты *седоватый* и *угловатый*, вновь используя парную грамматическую рифму с фольклорной стилевой ассоциацией, и, кроме того, вводит характерное именование *Златоуст*, не только прямо отсылающее к знаменитому православному святому, автору Божественной литургии и многочисленных проповедей, слов, но и «воскрешающее» внутреннюю форму именования – *златые уста*, не вполне забытую, но и не всегда ощущаемую ясно.

От внешних черт портрета, вполне информативных, поэт переходит к внутренним качествам своего персонажа. Исходные строки: *Шолохов чуток, прозорлив, / Нежен необычайно* – подверглись переработке. Место несколько абстрактной и, возможно, уводящей ход поэтической мысли в сторону (*нежен*) занял другой образ – *чуткости*, уже намеченный ранее: *Шолохов очень прозорлив, / Чуток необычайно*. Кратко обрисовывая эмоциональную палитру гения, он парадоксально фиксирует крайние точки: справедливый (отцовский) гнев и материнскую печаль (*Взгляд то нальется грозою, / То материнской печалью*). Выстраивая рифму, поэт вновь обогащает содержание своего стихотворения фольклорными ассоциациями: в слове *прозорлив* ударение характерно смещается, и рифмуется оно с *грозою*, вызывая в памяти народнопоэтические образы гнева.

В варианте, присланном в письме, тема прозорливости раскрывается и далее. Изображенный Боковым Шолохов – почти ясновидящий или волхв, он наблюдает жизнь своих земляков, народа, отраженную в речной воде: *Смотрит он в дали донские, / Видит он судьбы людские*. От этого, возможно, слишком вольного или рискованного, отчасти «мистического», образа поэт решил отказаться, готовя текст к публикации в Собрании сочинений. Как отказался он и от следующего четверостишия: *Шутит с ним солнце в лимане...*, вероятно, соотносимого, но оригинально, по-своему, со знаменитым стихотворением В.В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», в котором, как известно, рисуется разговор лирического героя и солнца, воплощается тема назначения поэта.

Сложнейший политический контекст шолоховской эпохи тоже нашел отражение в стихотворении. Строки: *Он говорил даже Сталину, / Как коммунист коммунисту* сохранены вне зависимости от конъюнктуры позднего хрущевского (сентябрь 1964 г.) и позднего брежневского времени. Упомянув имя вождя, поэт указывает на факты биографии Шолохова, его огромное гражданское мужество, проявившееся в широко известных ныне его письмах руководителю страны о формах коллективизации на Дону, других острейших темах. Боков не раскрывает этих деталей, пользуется эллипсисом: что именно «говорил» не сказано, но формулировка *Как коммунист коммунисту* предполагает честность и бескомпромиссность, что, конечно, соответствует действительности. О смелости Шолохова сказано и в последующих двух полностью сохраненных строках: «Он не боялся казни...».

Пуантом же «политического» раздела стихотворения вновь становится имя донского казака – Разина: *Там, где родился Разин, / Робости люди не любят*. Поэт блестяще выстраивает звуковой образ: рифма казни – Разин (указывающая и на трагическую судьбу народного бунтаря – его казнь на Болотной площади в Москве) включается в дальнейший контекст ассоциаций: *родился Разин, / Робости*, образуя компактный, неразделимый яркий словесный ряд и художественное «сгущение мысли» – образ настоящего героя-казака, каковым, по творческой мысли

поэта, является и его современник – Шолохов. Упоминает Боков и о тяжелых военных годах писателя-корреспондента, участника Сталинградской битвы и других сражений: *Муза его по-солдатски / Насмерть в окопах стояла.*

Однако финал произведения возвращает к литературе и к еще одной, наиболее значимой и для Бокова, и, очевидно, для Шолохова параллели: Шолохов – Толстой, причем поэт разворачивает ее вновь оригинально, ярко: *Бодрости, сил тебе! Здравствуй, / Ясная наша Поляна!* Финальное прямое обращение к персонажу и адресату придает стихотворению жанровые черты не только литературного очерка, но и послания, создает новый, сильный и положительный, художественно-эмоциональный план.

Параллель Шолохов – Толстой проводится, как видно, не «в лоб», а метонимически, через название получившей мировую известность толстовской усадьбы, и вновь с прояснением внутренней формы слова и словосочетания: *Ясная наша Поляна* – это, по образу поэта, сам Шолохов, его светлая, «ясная» личность, внутренний мир, поддерживающее, поднимающее, возвышающее человека творчество. Перенос *Здравствуй, /...* подчеркнул неожиданное – найденный оригинальный образ писателя. В варианте Собрания сочинений enjambement отсутствует: «Радуйся, смейся и здравствуй, / Ясная наша Поляна!»

К образу Шолохова В.Ф. Боков вернулся десятилетие спустя, в 1974 г., создав стихотворение «Старый казак». В его основу легла литературно воплощенная беседа поэта с умудренным опытом старожилом Дона, названным с опорой на яркий повтор словесно-звукового комплекса *Бакенщик, старый бобыль и бродяга*, содержащий романтические ассоциации. Финал произведения неожиданно и с присущим Бокову блестящим чувством юмора обращает поэтическую мысль автора к Шолохову – певцу Дона и донского характера. Описание старого казака имеет своим пуантом указание на возможный новый роман Шолохова, который мог бы родиться у великого писателя после общения с такой колоритной личностью, но не родился в творческом воображении поэта, создавшего, тем не менее, яркий лирический образ казака:

Встал он на землю босою ногою,
Руку в карман.
Шолохов встретил бы – дело другое,
Был бы роман! [Боков, 1984, т. 2, с. 381]

Итак, В.Ф. Боков, имевший опыт личного общения с автором «Тихого Дона» и вызвавший ответный интерес донского писателя, создал запоминающийся, художественно убедительный образ М.А. Шолохова – человека и литератора. По шолоховской теме Боков создал несколько произведений (по донской – книгу, другие тексты), обращался к ней многократно, совершенствовал лучшее стихотворение данной тематики: «Встреча с Шолоховым», неоднократно возвращался к донской встрече в своих интервью и беседах.

Архивы

Личный архив В.И. Самсонова.

Письма и телеграмма Бокова Виктора Федоровича Исаковскому Михаилу Васильевичу // РГАЛИ, Ф. № 1373, оп. № 10, дело № 271.

Литература

Боков В.Ф. На Дону: стихи. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1965. 20 с.

Боков В. Поэзия никогда не умрёт!.: Беседовал А. Тер-Маркарян // Литературная Россия. 1996. 12 янв. С. 10.

Боков В.Ф. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1983–1984.

Боков В.Ф. У поля, у моря, у рек: Стихи. М.: Советский писатель, 1965. 155 с.

Головкин В.М. «Жизнь живая – вот моя основа...»: Творческий феномен Виктора Бокова // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. Филол. науки. 1998. № 14. С. 38–48.

Деятели литературы и искусства о Викторе Бокове // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. Филол. науки. 1998. № 14. С. 12–13

Малый академический словарь русского языка (МАС). [Электронный ресурс] URL: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-89949.htm> (дата обращения 07.11.2019).

Оставить след в душе народа...: к 90-летию со дня рождения В. Ф. Бокова: биобиблиографический указатель / рук. проекта – Т. Н. Мишонов; авт-сост. Д. В. Садченко, Ю. Е. Гимова, Н. А. Дыркова; ред. Е. Б. Красавцева. Сергиев Посад, 2005. 163 с.: фото.

Попова Е.В. Свидетельство народной любви к писателю [Электронный ресурс] URL: <http://www.sholokhov.ru/museum/News/2016/n1903/> (дата обращения 01.10.2019).

Тер-Маркарян А. Мой Шолохов // Общеписательская литературная газета. 2000. № 8 (9). С. 4.

References

Lichnyy arkhiv V.I. Samsonova. (In Russian).

Pis'ma i telegramma Bokova Viktora Fedorovicha Isakovskomu Mikhailu Vasil'evichu. *RGALI*, f. № 1373, op. № 10, delo № 271. (In Russian).

Bokov V.F. *Na Donu: stikhi*. Rostov n/D., Kn. izd-vo, 1965. 20 p. (In Russian).

Bokov V. *Poehziya nikogda ne umryot!.*: Besedoval A. Ter-Markar'yan. *Literaturnaya Rossiya*, 1996, 12 Yanv., p. 10. (In Russian).

Bokov V.F. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* M., Khudozhestvennaya literatura, 1983–1984. (In Russian).

Bokov V.F. *U polya, u morya, u rek: stikhi*. M., Sovetskiy pisatel', 1965. 155 p. (In Russian).

Golovko V.M. «Zhizn' zhivaya – vot moyaya osnova...»: Tvorcheskii fenomen Viktora Bokova. *Vestn. Stavropol'skogo gos. un-ta. Filol. nauki*, 1998, no. 14, p. 38–48. (In Russian).

Deyateli literatury i iskusstva o Viktore Bokove. *Vestn. Stavropol'skogo gos. un-ta. Filol. nauki*, 1998, no. 14, p. 12–13. (In Russian).

Malyy akademicheskyy slovar' russkogo yazyka. Available at: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-89949.htm> (accessed 07.11.2019). (In Russian).

Ostavit' sled v dushe naroda...: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. F. Bokova: biobibliograficheskiy ukazatel'. Ruk. proehkta T.N. Mishonova; avt-sost. D.V. Sadchenko, Yu. E. Gimova, N.A. Dyrkova; red. E.B. Krasavtseva. Sergiyev Posad, 2005. 163 p.: foto. (In Russian).

Popova E.V. *Svidetel'stvo narodnoy lyubvi k pisatelyu*. Available at: <http://www.sholokhov.ru/museum/News/2016/n1903/> (accessed 01.10.2019). (In Russian).

Ter-Markar'yan A. Moy Sholokhov. *Obshchepisatel'skaya literaturnaya gazeta*, 2000, no. 8 (9), p. 4. (In Russian).

Sergey A. Vasiliev (Moscow, Russian Federation)

«Met. It's No Joke – Sholokhov!» (the Image of M.A. Sholokhov in the Poetry of V.F. Bokov)

M.A. Sholokhov (1905–1984) and V.F. Bokov (1914–2009) met in Rostov-on-Don in August 1964. A two-hour conversation took place at the initiative of the author of «And Quiet Flows the Don», who learned about the «literary ship» – traveling along the Don and performing in the villages and on farms with the reading of poems by young writers, headed by V.F. Bokov. Bokov wrote several poems about Sholokhov, the main of which – «Meeting with Sholokhov» (1964) – was to be included in his book of poems «On the Don», but, due to the arbitrariness of the editor, the publication is not included. In September 1964 Bokov sent it by letter to Sholokhov and read it «everywhere from the rostrum». The poet actively worked on this text, preparing a substantially updated version of it for his Collected works (1983–1984). One of the brightest details of Sholokhov's image found by the poet is his naming through the naming of the famous Tolstoy estate: *Rejoice, laugh and Hello, / our Yasnaya Polyana!*. Another poem of this subject – «You remember me / Sholokhov called...» – V.F. Bokov included in a letter to the Don poet A.A. Ter-Markaryan. According to the image of the poet, Sholokhov, as it were, appointed Bokov as the «father» of the young writers accepted by him under his protection: *Be your father to them, Victor*. In the poem «The Old Cossack» the Sholokhov's theme at the end, but, thus, becomes decisive. With the poet's sense of humor, he writes that if this old Cossack would meet Sholokhov – *there would be a novel!* In his works on Sholokhov's theme, Bokov proved himself, as in his work as a whole, a major master of the artistic word.

Key words: *V.F. Bokov, M.A. Sholokhov, Don meeting, the image of the writer.*

Sergey A. Vasiliev – Ph. D. of Philology, professor. Moscow City University, Institute of Humanities, Russian Literature Department. Phone: +7-916-575-44-50, e-mail: okdomovenok@yandex.ru